

СЕРГЕЙ РОМАНИУТА

УЗОРЫ

На стекле

Сергей Романюта
Узоры на стекле

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Романюта С.

Узоры на стекле / С. Романюта — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

Оказывается, жизнь - довольно-таки интересная штука. Для того, чтобы в этом убедиться самому, вполне достаточно посмотреть на неё не глазами телевизора и газет с Интернетом, а своими, которые на голове располагаются.

© Романюта С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Узоры на стекле	5
Мутант	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Романюта

Узоры на стекле

Узоры на стекле

Будильника у неё не было, а он и не нужен. Просыпалась женщина всегда в одно и то же время, если конечно ложилась спать вообще. В основном она не спала и не потому, что её мучила бессонница. Всё гораздо проще, если человеку требуется, ну для того чтобы чувствовать себя нормально, не зевать и не засыпать на ходу, ежедневно поспать ну хотя бы часов шесть, то ей этих же шести часов хватало на неделю.

Но сегодня она проснулась, потому что вчера, плюнув на все отложные и неотложные дела, решила поспать. Проснулась, встала, оделась. После этого, хоть касаясь женщин такие подробности считается описывать, чуть-ли не грехом смертным, тем не менее, сходила «до витру». Почему до витру? А потому, что место это находилось именно на ветру, недалеко от дома. Хорошего мало конечно, тем более зима.

В тех краях, в которых жила женщина, зима выглядела классически: мороз и солнце, сугробы почти по уши и снег под ногами хрустит как симфонический оркестр. Ну и конечно же такие, хоть и мелочи, но приятные мелочи – пар изо рта да иней на ветках деревьев. А ещё оконные стёкла в морозных узорах.

Если первые две мелочи, были в общем-то мелочами бесполезными, то узоры на окнах мелочами не были. Женщина подолгу смотрела на эти узоры. Что она там видела, вернее, что она хотела там увидеть, наверное, она и сама бы не смогла внятно объяснить. Тем не менее, каждый день она садилась перед окном и долго-долго смотрела на морозные узоры. Если была бы возможность посмотреть на это её занятие со стороны, то можно было бы назвать такое времяпровождение или откровенным бездельем, или же модными, но почти никому непонятными словами, как: медитация или релаксация. Что, слова понятные? Тогда расскажите, пожалуйста, что они означают, желательно поподробнее.

Но этим она начинала заниматься позже, а сначала надо было умыться и позавтракать. Пожалуйста не удивляйтесь, но так оно и есть: вот если человек не спал, то, как правило, умывается он не потому, что правила гигиены того требуют, а для того, чтобы личико не таким помятым выглядело, правда, без толку это. Для того, чтобы лицо не выглядело помятым, выспаться надо и желательно, ближе к вечеру, водку не пить.

Женщина мало того, что водку не пила, она даже если и не спала, всё равно каждый день умывалась. Насчёт помятости лица – ерунда, это ей не грозило, потому что выглядела она, дай Бог каждому, и каждой. А умывалась лишь ради удовольствия. Уж очень ей нравилось, когда ледяная вода обжигает лицо и руки. Лицо, хоть и вредничает, но более-менее привыкает, а вот руки, ни в какую, сразу мёрзнут и просят пощадить. И когда тысячи и миллионы маленьких иголок начинают впиваться в ладони, а руки начинают ныть чуть-ли не до локтей, умывание заканчивается. Странное дело, но именно это каждый раз давало женщине заряд бодрости и хорошее настроение, разумеется. Что касаясь воды, то рядом с домом родник, а в нём, думаю не надо объяснять, вода, круглый год, ледяная.

Дальнейшую, тоже ежедневную, процедуру можно пропустить. Почему? А потому что! Вы попробуйте понаблюдать за женщиной, когда она, так сказать, наводит на своём лице порядок. Позволить подсматривать, или просто, смотреть, она может быть и позволит, а вот, после, расписать всё это, вряд ли. Вернее, скорее всего, скажет приблизительно так: «Хочешь? Да пожалуйста, расписывай, тебе же хуже будет». И всё, приехали. Не знаю кто как, а я себе вра-

гом отродясь не был, поэтому пропускаю этот ритуал, полный неведомых любому мужчине таинств.

* * *

Вот скажите мне, почему многие и даже очень многие, по утрам ничего не могут есть? Ну прямо не лезет и всё тут! И дело не в том, что вчера чуть ли не ведро и без закуски, тут дело непонятно в чём. Не, я не о себе. У меня с утра вполне нормальный аппетит, точно такой же, как и в полдень.

Тут шальная мысль в голову ворвалась, шальная и, разумеется, дурная. Недурные мысли мою голову почему-то не посещают, поэтому, чем богаты и так далее. А мысль такая: что если утром аппетит отсутствует только у грешников? Тогда всё становится на свои места. Если вчера много, неважно, по поводу или без, главное – много... Или же начальству дерзил и уж совсем не дай Бог, жене с тещей, тогда утречком шиш с маслом тебе, а не аппетит. А если хорошо себя вёл, жену с тещей и начальство слушался, тогда всё нормально: и яичница вкусная, и кофе не противный.

Говорю же, мысль дурная! Ведь если принять её как верную, то получится, что примерное процентное соотношение грешников и не грешников – пятьдесят на пятьдесят, утро после какого-нибудь праздника, не в счёт. Тогда как объяснить то, что нам, начиная чуть ли не с роддома, вталдыкивают, мол, погрязли все мы в грехе, по уши погрязли? Вот и разбирайся. Вернее, сами разбирайтесь, а я пока кофе попью. Да, в качестве издевательства: пишу все это утром, на часах семь двадцать семь, утра, разумеется. Аппетит присутствует и очень даже требует своего. А вот если кто назовёт меня безгрешным, а тем более, праведником – обижусь.

* * *

Не подумайте, что я выпендриваюсь или, хуже того, издеваюсь – и в мыслях не было. Правда две версии этому присутствуют: первая – мания величия начинается и вторая – схожу с ума, наконец-то. Какая из них окажется верной – покажет время, а пока пусть остаётся всё как есть.

Что-то попёрло меня о себе писать, уже второй случай и почти подряд. Вчера, как и в прошлый раз, уже спать лёг и сам не знаю почему, вспомнил один случай из своего детства. Случай, ну как вам сказать, в общем-то, приятный, хотя немного не так, а может и так, трудно сказать, сам не знаю. Я уже было собрался вставать, включить ноутбук ну и записать всё, пока вот оно, ещё свеженькое. Но лень-матушка, моя любимая, распорядилась по своему, и я уснул.

Проснулся рано, примерно на час раньше, чем обычно и с утра пораньше начала меня грызть тоска. Дело в том, что в январе я начал писать книжку, «Иван Премудрый» называется, а потом у меня почему-то ноутбук стал ломаться, поэтому дальнейшее написание застопорилось. На чём я в «Иванушке» остановился – толком не помнил, а продолжать лишь бы продолжать, не хотелось.

Но, дабы не бездельничать, тем более, что всё внутри требует, решил написать сборник рассказов, и, пока ноутбук ремонтировали, написал. Правда, пришлось писать в самом прямом смысле этого слова, рукой. Но это оказалось не самое страшное. Вот перепечатывать, это да! Будь у меня машина времени, я бы эту методу Малюте Скуратову предложил, по части издевательства – шикарная вещь.

Ну так вот, сборник я дописал и даже перепечатал и даже в издательство отправил, и даже книжка в интернет-магазине появилась. Теперь, думаю, надо дальше продолжать «Ваньку» «валять», а он почему-то никак «валяться» не хочет. Начал перечитывать, а он не перечитывается, хоть тресни – из написанных сорока страниц только восемь и осилил.

Сегодня собрался дальше читать, ну чтобы в тему войти. А пока пил кофе, вот это все из меня и полезло. Как, во всяком случае, это приписывается то ли американской полиции, то ли американским женщинам, совет такой: «Если вас насилуют, расслабьтесь и получайте удовольствие». А что, мысль верная, а вдруг и правда, понравится?

Вот и у меня ситуация почти один в один: то, что не надо – вот оно, а то что надо – делать не хочется. Поэтому сижу, хлещу кофе и клацаю по клавиатуре, всю эту бредятину вываливаю, глядишь, и отпустит.

* * *

Меч, двуручный и обоюдоострый, может быть во благо и чуть-ли не как спасение, а может быть и врагом лютым, более того, угрозой, почти смертельной, смотря по какую сторону к нему находится. Тоже самое и с завтраком: если грешен, а отказаться никак невозможно, жена прибьёт, тогда остаётся одно – пропадать. А если безгрешен, почти как утренняя роса, тогда да, тогда сплошное удовольствие.

Не знаю, грешна ли была женщина или наоборот, не грешна, но завтракала она всегда и подозреваю, что с удовольствием.

Наверное завтрак, как таковой, ещё потому нелюбим, что происходит в спешке, чтобы на работу не опоздать. Если же никуда не спешить, например, плюнул на всё – вам надо, вы и ждите, примерно так, тогда завтрак – сплошное удовольствие, и вовсе не такое, как в случае с изнасилованием.

Женщина никуда не спешила, потому что не боялась опоздать на работу, а может быть просто не любила спешить. Насчёт работы, она была у неё на дома, а вернее в ней самой работа и помещалась. А что, хорошо: начальства нету, вернее, скорее всего где-то есть, но ты его никогда не видел и никогда не увидишь, потому что оно любит на расстоянии «командовать», или стесняется. Одеваться-наряжаться не надо, личико поправила-подкрасила и порядок, а наряды исключительно по настроению.

Плотно ли завтракала женщина или не очень, не скажу, потому что не знаю. Известно лишь одно – завтракала она всегда с удовольствием. Тогда тем более – приятного аппетита и помолчу, негоже бубнить под руку...

* * *

Покончив с завтраком, женщина усаживалась перед окном и начинала рассматривать узоры, нарисованные морозом. Это и была её работа. Всё верно, я тоже сначала подумал, что работа какая-то несерьёзная, потому что сезонная – летом окна то не замерзают. Ну и что?! Вы хоть раз видели идеально чистое оконное стекло? Если таковое и существует, то неизвестно где находится, и уж, это наверняка, никто его не видел. Летом оконное стекло покрыто пылью, засохшими руслами струй от вчерашнего дождя, прилипшим мусором, да много чем, всего не перечислишь.

И точно также, как и зимой, или же наоборот, как летом, узор никогда не повторяется, он каждый день – разный. Но, этот день выдался на зимнюю пору, поэтому женщина рассматривала морозные узоры.

Мне иногда жалко жителей тропических земель и стран, они лишены возможности просто так усесться перед окном и любоваться тем, что нарисовала природа. Если уж кому-то и взбредёт в голову такое, то влетит это удовольствие в копеечку, потому что специальное помещение для этого потребуется, а это денег стоит и подозреваю, немалых... А у женщины всё бесплатно, сиди и любуйся, вернее, наблюдай.

Примечательно и замечательно то, что морозные узоры, как и пыль летом, никогда не повторяются и каждый день разные. Сидишь, наблюдаешь, или любишь, и можно ни о чём не думать.

Но бывает такое, что не понравился какой-то из узоров, большой или маленький, неважно. Тогда можно прикоснуться к нему пальцем и он растает, и на его месте появится другой, может быть получше, а может и нет. Если опять не понравится, можно опять прикоснуться и не понравившийся узор опять растает, и так до бесконечности, не ленись только.

Если узор очень большой и тоже чем-то не устраивает, можно приложить к нему ладонь, и он исчезнет. А после, на самом деле, приятно наблюдать, как появляется новый узор и пока он появляется, живёт и трепещет надежда, что он будет лучше прежнего. Ну а если хуже, надо прикоснуться к нему по-новой, вот и всё, делов-то! Тоже самое происходит и летом с той лишь разницей, что вместо ладони влажная, но обязательно чистая, тряпочка.

* * *

Так, за разглядыванием и исправлением узоров проходит день и наступает вечер. Вечером уже не то, узоры видны не так, хуже. Причина тому проста – с той стороны, из-за окна, света нету, видно плохо. А если видно плохо, то, не ровён час, узоры можно и перепутать, вместо не понравившегося, изменить хороший, который днём обязательно понравился бы. Поэтому работа приостанавливается, до следующего утра, до следующего света.

Женщина зажигает керосиновую лампу и растапливает печь, надо готовить ужин. У неё хорошая работа, даже позавидовать можно, это насчёт экономии дров. То, что подсвечивает узоры снаружи, заодно и согревает дом женщины, а вечером, ничего не поделаешь, приходится топить печь. Говорю же, позавидовать можно – сплошная экономия!

Ужин процедура вкусная, но сейчас не интересная, да и мешать не надо. После ужина женщина всегда выходила на улицу и подолгу стояла у крыльца. Это было что-то сродни вечерней прогулке, только она никуда не ходила, просто стояла и смотрела на происходящее вокруг...

* * *

Та зима была у меня последней по настоящему вольной и беззаботной. Следующая зима этим похвастаться уже не смогла бы, потому что ей предстояло стать зимой школьной. До, хоть и вольной, но уже не такой беззаботной зимы – пенсионной, было ещё далеко, и я наслаждался тем, что было, правда, не понимая этого.

Уж не знаю, в силу каких причин, скорее всего, просто не помню, на зиму меня отправили к бабушке, в деревню. Не то, чтобы вам, даже себе не совру, если скажу, что это была моя самая лучшая зима из тех, которые я прожил, а иногда, и пережил. Дело не в том, что та зима была родом из детства, всё гораздо проще. Та зима была единственной, которую я провёл в деревне, всю, от начала и до конца. Больше такого чуда в моей жизни не случилось, а как будут выглядеть зимы, которые мне предстоит прожить – не знаю, и никто не знает, ну разве что...

Не сказать, чтобы деревня была маленькой и глухой, и «угол» был не медвежий, не полуостров Ямал, а Курская область, почти юг России. Но электричества в деревне не было, его как раз в ту зиму провели.

Кстати, вспомнил, до сих пор смешно. Я, как городской житель, показывал своим деревенским сверстникам, как включать и выключать свет, ну, как выключателем пользоваться. Во, балбес!

А пока электричество не провели, вечера коротали при свете керосиновой лампы и под радио, сами понимаете, телевизор от керосина не работает.

Иногда, наверное, чтобы не так скучно было, все-таки у бабушки и у тётки интересы были несколько другими, не такими как у меня, я отправлялся к дядьке. Разумеется на него я особого внимания не обращал, меня интересовало другое, вернее, другие, а именно, мои двоюродные брат и сестра. Были они немногим старше меня: на год и на два соответственно. В общем, нам, троим, вместе, было очень интересно. Чем мы занимались, уже не помню. Помню, книжку какую-то читали и брат показывая на картинку где были изображены какие-то люди, едущие в санях и с ветерком, убеждал меня, что это урки. Вот это почему-то помню, как будто вчера было.

Однажды, уж не помню чем мы занимались, но происходило это рядом с домом бабушки. Зимой рано темнеет, и та зима исключением не была. Стемнело. Бабушка нас кажется чем-то покормила. Скорее всего покормила, потому что она была уверена, что мы, внуки, постоянно голодные. И сестра с братом, не то чтобы сманили, скорее, чтобы закончить то ли начатую игру, то ли ещё какие-то наши дела, позвали меня к себе домой, на ночь. Я, разумеется, согласился, ну а бабушка с тёткой, тоже, разумеется, были не против.

А на улице уже темным-темно. Вот оно, самое главное воспоминание! Я запомнил ту зимнюю, деревенскую темноту, потому что никакой темнотой она не была. Ночь была тёмно-тёмно синей, иногда такого цвета бывает морская вода. Ещё я такую ночь на Камчатке видел, правда, один раз.

Ночь была тёмно-синей и какой-то объёмной, так что-ли. Во, сейчас вспомнил: та ночь очень напоминала картину Архипа Куинджи, «Украинская ночь» называется, очень напоминает – практически тоже самое, только зимой.

Идти до дядькиного дома было примерно около километра. Нет, леса с волками не было, Бог миловал. Нам предстояло обогнуть холм, на котором находился Общий двор. Это место, где когда-то была барская усадьба. Бабушка рассказывала, барин по характеру чем-то на Хрущёва был похож, любил в поле командовать. От усадьбы осталось всего ничего: амбар, довольно-таки большой и конюшня. Уже колхоз построил свинарник и кажется котельную, вот и получился двор, который так и продолжали называть, Общим.

Огибая этот двор надо было пройти мимо двух здоровенных оврагов, в деревне их называют – яры. Так вот, два этих яра были до того глубокими, да и вряд ли они были оврагами как таковыми, потому что очень похожи на разломы в земной коре. Края этих яров вовсе не напоминали овражные, а скорее напоминали горные ущелья. Кстати, выглядели они очень даже красиво, но тогда нам было немного страшно.

На дворе ночь, плюс зима, а зимой ночные страхи почему-то всегда страшнее, чем летом, не знаю, почему так. Вот мы и, время от времени шли, а время от времени, бежали мимо этих яров.

А сестра, она постарше, ну и наверное на правах старшей пугала нас с братом, мол, вот в этом яру, который поближе, ведьма живёт и если мы будем идти медленно, то она заберёт нас к себе, ну а дальше, разумеется, ничего хорошего.

Наверное, позабыв о ведьме, через пару минут сестра принималась пугать нас с братом тем, что, теперь уже в обоих ярах, живут волки и что нам надо поскорее уносить отсюда ноги.

Мне до сих пор непонятно, кто жил в этих ярах и жил ли вообще? Но поспешать мы, поспешали и всё чаще, переходили с шага на бег. Но вот овраги – пристанище волков и нечистой силы, позади, теперь можно ничего не бояться, потому что дядькин дом, вот он, в горку подняться.

* * *

Ведьма издали заметила приближающихся детей, правда смотреть было немного неудобно, её дом стоял как раз на дне того самого яра, который поближе. Но это не было неудобством, более того, ведьма не хотела, чтобы дети её заметили, не хотела пугать.

Она слышала страшилки девочки и видела, как вся троица время от времени срывается на бег. Ведьма улыбалась, но не потому, что любила детей. Скорее всего, ей было незнакомо такое чувство как любовь. Ведь любовь, это, как ни крути, привязанность, а значит возможность принимать вещи и события в искажённом состоянии и оправдывать их.

Пугающие сами себя и убегающие от своего же страха дети напоминали ведьме морозные узоры на стекле, те, которые чистые и без изломов. Ведьма смотрела на детей и ей очень хотелось не прикладывать ни пальцы, ни ладони к этим узором, чтобы исправить...

Мутант

Почувствовав, что путь свободен, чертенок выпрыгнул из бутылки. Первым делом он вскочил мужику на плечо и свистнул в ухо. Потом перепрыгнул на край стакана и помочился в него.

Со стороны мужика никакой реакции не последовало. Как ни в чем ни бывало, тот выпил, закурил почему-то конфетой и принялся закуривать.

«Даже не поморщился, гад. – весело подумал чертенок. – Ладно, и не таких ухайдокивали».

Он хотел было залезть мужику за шиворот и там порезвиться, но мужик был по пояс голый. Лезть в штаны чертенок не то, чтобы постеснялся, просто подумал, – всегда успеет.

Мужик закурил и уставился в телевизор. Чертенок перепрыгнул на телевизор, уселся сверху, так, чтобы мужик его видел, и принялся орать матерные частушки, – никакой реакции.

– Передохни. – услышал чертенок.

Повернувшись на голос, он увидел на подоконнике еще троих, точно таких же, как он, причем один них спал, свернувшись калачиком.

«Ну вот ты и попался. – весело подумал чертенок. – Надо будет доложить, глядишь, повышение дадут»:

– Привет! Чего такие грустные? А этот почему разлегся? От работы отлыниваете? Знаете что за это бывает?

– Я тоже самое у них спрашивал. – сидящий на подоконнике чертенок кивнул на спящего и на сидящего рядом. – А потом попрыгал, поплясал, по потолку побегал. Вон, посмотри, как диван весь изгадил, а клиенту хоть бы хны! Так что, ты особо не отплясывай, побереги силы. Мы сейчас малость передохнем, да все вместе за дело и примемся.

– А этот почему спит? – спросил чертенок.

– Так он здесь самый первый появился, еще вчера.

– Я тоже здесь со вчерашнего. – грустно сказал другой чертенок.

– А почему тогда не спишь?

– Так я уже поспал. Теперь его очередь.

– Да, ребята, хреново дело. – якобы задумчиво, а на самом деле с затаенной радостью сказал последний чертенок. – Начальство в курсе?

– Нет. – ответил, тот, который выславшийся. – Еще не докладывали, боязно как-то...

Вновь прибывший сиганул на стол, вытащил из пачки три сигареты и вернулся на подоконник:

– Держите.

Тот, который вчерашний, дыхнул огнем, прикурили. Сидящий за столом мужик на происходящее в его квартире безобразии, да еще в таком количестве, опять никак не отреагировал, даже не посмотрел в сторону окна.

– Странный он какой-то. – сказал вновь прибывший. – По всем показателям, – наш клиент: пьет один, – начал перечислять он. – квартирка, так себе. Слышь, – обратился он ко вчера появившемуся чертенку. – корефаны были?

– Никого не было. – помотал хоть и маленькой, но рогатой головой, чертенок.

– Одет тоже, в самый раз. – продолжал размышлять чертенок. – наши в доме еще есть?

– Двое. – ответил кто-то из чертенят. – На кухне стоят, еще не открывал.

Тем временем, мужик еще раз налил и выпил. Затем выключил телевизор и включил музыкальный центр.

– А что, попсы нету, что-ли? – спросил вновь прибывший чертенок, потому что вместо полагающихся в подобных случаях всем известных песен, заиграл джаз.

– Нету. – грустно сказал вчерашний. – Все время эту херню слушает.

– И шансона нету?

В ответ вчерашний чертенок только сплюнул и выругался. Мужик очередной раз налил, выпил и пошел на кухню. Чертенята проводили его взглядом, переглянулись.

– Буди этого. – сказал вновь прибывший.

Вчерашний толкнул спящего коллегу. Тот подскочил, сделал сальто в воздухе и уселся на подоконник.

– Хорош спать. – сказал вновь прибывший. – Работы непочатый край, а ты разлегся. Что о тебе клиент подумает?

– Да я, это, чуть-чуть. – смутился проснувшийся чертенок. – Устал вчера, хуже собаки. А где клиент? Готов что-ли?

– Если бы... – ответил один из чертенят.

– Спокойно! – скомандовал вновь прибывший чертенок. – Скоро будет готов. За мной!

Чертенята, кто по воздуху, кто прыгая по мебели, отправились на кухню. Картина маслом, правда, растительным, могла порадовать ну разве что жену этого мужика, которой, кажись, у него вовсе и не было.

Он был занят тем, что размораживал мясо, засунув его под струю горячей воды.

– Холостяк. – заключил вновь прибывший чертенок. – Это хорошо, значит никто не мешает.

Здесь, наверное самое место, дать небольшую справку. Дело в том, что наша жизнь устроена очень даже справедливо, но не совсем.

Детям полагаются ангелы. Тут все нормально. С этим никто не спорит и туда не суется. Да и с ангелами особо не поспоришь, – серьезные ребята. А вот мужикам, тем полагаются черти, иногда по несколько штук на душу, как этому. Но есть еще женщины, которым ни ангелы, ни черти не полагаются. Наоборот, это женщины полагаются, как детям, так и мужикам.

Что по этому поводу думают ангелы, чертенята не знали, да и не спросишь, не очень-то они друг с другом контактировали. А вот сами черти предпочитали с женщинами не связываться, потому что знали, только хуже будет.

Судя по интерьеру квартиры и по поведению, сегодняшний мужик, находящийся в состоянии клиента, хоть и в промежуточном, был холостяком, а значит помех, в виде внезапно появившейся жены, можно было не опасаться. Это конечно хорошо, потому что можно работать не скупясь на выдумки, но и не более того, потому что работать все равно надо, никуда не денешься.

Тем временем, мужик все-таки разморозил мясо, вернее, разодрал смерзшиеся куски. Два куса он положил в глубокую миску и залил горячей водой, а остальное убрал в холодильник и пошел в комнату.

Чертенята сиганули следом за ним и опять уселись на подоконнике. Мужик сделал музыку немного тише, налил, выпил, опять закусил конфетой и закурил.

– Ну что, начнем? – спросил тот, который только что проснулся.

– Не суетись. Или силы девать некуда? – ответил вновь прибывший. – Успеешь еще. Пусть созревает.

Но похоже, что клиент созревать не собирался. Он снова выпил, подошел к другому столу и включил компьютер. Это, по мнению чертенят, выходило за все, полагающиеся моменту и состоянию клиента, рамки приличия.

– Начали! – скомандовал вновь прибывший.

«Зеленая бригада» сгруппировалась, слилась в единое целое и рассыпалась по квартире. Замелькали пестрые юбки, зазвенели монисто, лениво закружился медведь и грянула жизне-радостная цыганская песня, что-то наподобие: «...к нам приехал, к нам приехал...». Весь этот пестрый праздник песни, танцев и красок сопровождался звучанием гитар, по части душещи-

пательности и душераздираемости с которыми, какой-то там джаз не шел ни в какое сравнение. Ну и конечно же все это пело и плясало себя так громко, старались ребята, что никакого джаза не было слышно вовсе.

Мужик сначала было никак не отреагировал, но потом кажись, зацепило. Он сделал тише музыку, джаз разумеется, и..., взял мобильный телефон. От такой наглости песня, способная свести с ума даже трезвого человека, замерла даже не на полуслове, а на полуслоге. То, что срабатывало в двухстах случаях из ста, здесь абсолютно не работало!

Бывшее секунду назад ансамблем цыган плюс медведь, как-то сразу все скрючилось, сморщилось, позеленело и снова уселось на подоконнике. Один из них, тот, что был медведем, кажется, стырил со стола четыре сигареты и раздал коллегам. Закурили.

Мужик, тем временем, дозвонился кому-то и пошел на кухню, где и принялся разговаривать.

– Ладно, пусть передохнет. – сказал вновь прибывший. – А мы пока перекурим.

Все согласились. Молча покурили и посмотрели на вновь прибывшего, который, так получается, взял на себя роль бригадира.

Мужик разговаривал довольно-таки долго, вернее будет сказать, он больше слушал, чем говорил сам. И это в его состоянии и положении?! Странно...

Закончив разговор, мужик, судя по зашумевшей струе воды, принялся готовить мясо или еще что-то.

– За мной! – скомандовал вновь прибывший, ставший бригадиром, командиром, а заодно и генератором идей.

«Зеленая бригада» переместилась на кухню и начала вторую, за последние часа полтора, часть своего балета-представления.

Из крана, вместо провонявшей хлоркой воды, ударила струя пива, темного, нефильтрованного, а потому только одним своим запахом способного свести с ума кого угодно.

Далее чертенята наблюдали сплошное кощунство, за которое нормальные люди этому мужику раз десять бы отрубили: руки, ноги, голову и вообще все, что можно человеку отрубить – он, совершенно спокойно, промыл разморожившееся мясо пивом! Мужик включил плиту и поставил на огонь сковороду. Чертенята, не сговариваясь, прыгнули на сковородку и принялись на ней отплясывать. Мало того, при этом они, дикими голосами, исполняли совершенно непотребные песни.

Мужик опять отреагировал как-то странно – налил на сковородку растительного масла. Сам же, сходил в комнату, налил-выпил, слышно же все, и вернулся.

Хоть чертенята и продолжали отплясывать и голосить, видать, сковорода к тому времени прогрелась, никакой реакции со стороны мужика опять не последовало. Он взял мясо, два больших куска: «Извращенец! – подумал один из чертенят», положил их на сковородку и прикрыл крышкой. Маленький нюанс, который, и это наверняка, чертенятам будет неловко вспоминать о нем в будущем: когда мужик начал укладывать мясо на сковороду, чертенята соскочили с нее, как будто мужик туда решил еще и ладана добавить. Так что, в прямом и переносном смысле, не солоно хлебавши, «зеленая бригада» вернулась на ставший уже привычным подоконник.

Сигареты на этот раз никто не захватил, да и незачем, и без них было, хуже не придумаешь. Чертенята не злились, потому что были не в состоянии этого делать, – ОНИ НЕ ПОНИМАЛИ!

Они не понимали, как так, мужик пьет не первый день! Вон, только сегодня, вторая бутылка заканчивается. Закусывает конфетами, слушает джаз, по телефону разговаривает, да еще и мясо жарит.

Там, откуда прибыла «зеленая бригада», процедура употребления спиртного была давным-давно расписана буквально по минутам и утверждена на самом высоком уровне. В сущ-

ности работа у чертенят не была такой уж сложной, потому что все клиенты, вне зависимости от того, пили они по несколько человек сразу или в одиночку, вели себя совершенно одинаково. Да, потрудиться над этим конечно же пришлось и потрудиться основательно, но делала это не такая вот зеленая мелочь, а представители ихнего роду-племени куда более серьезные, а они свое дело туго знали.

На первый взгляд этот мужик, он же, клиент, казался экземпляром очень даже легким в плане приведения его до требуемое состояние. На ребенка совсем не похож, значит ангелов здесь и в помине нету. Жены или просто женщины, ни рядом, ни вообще, тоже не наблюдается, один-одинешенек. Можно сказать, ну просто идеальный случай, как кусок мягкой и теплой глины: бери его и лепи что тебе угодно. А получается, вернее, вообще ничего не получается. Тьфу!

– Урод какой-то. – сказал недавно спавший чертенок.

– Мутант. – уточнил другой, спавший.

В комнату зашел мужик. В одной руке он держал тарелку с дымящимся мясом, а во второй, бутылку водки. Он еще раз сходил на кухню, принес: вилку с ножом, хлеб, майонез и бутылку лимонада.

– И не жрется ему на кухне, прямо как барин. – зло сказал один из чертенят.

– Ага. – согласился другой. – Вилка с ножом. Точно, мутант.

– Поработаем? – спросил третий.

– Да ну его. – это уже бригадир и командир. – Толку-то?!

Мужик, разумеется, выпил водки. После этого, к удивлению и даже ужасу чертенят, с явным аппетитом, запивая лимонадом, съел все мясо. После этого, грязную тарелку с вилкой и ножом отнес на кухню и, слышно же, помыл их.

– Он что, совсем что-ли?! – заорал чертенок, который недавно спал.

– Говорю же, мутант. – пробурчал его соратник по вчерашнему дню.

Мужик вернулся в комнату, вылил остатки водки в стакан, выпил их и открыл следующую бутылку.

«Зеленая бригада» уже приготовилась было встречать пополнение и даже заерзала в предвкушении радости встречи, но из бутылки никто не выскочил, вот так вот!

От ужаса «подоконник» сжался до размеров молекулы. Такого просто не могло быть, потому что до сего момента никогда не было и не происходило! Из каждой, и это в обязательном порядке, из каждой бутылки водки, всегда выскакивал маленький зелененький чертенок, потому что был неотъемлемой частью ее содержимого, а тут такое. Аномалия, не иначе!

Мужик налил, выпил и закурил. Да, музыку он выключил и опять включил телевизор. Докурив, прямо из горлышка попил лимонада, лег на диван, на котором, кстати, сидел и тут же уснул.

Чертенята, не сговариваясь переместились-перепрыгнули на спящего мужика. Один из них залез ему в ухо и наверняка стал там безобразничать. Почему безобразничать? А потому, что он больше ничего не умел делать. Остальные принялись бегать по мужику, дергать его за нос, волосы, уши и орать все теми же, дурными голосами.

Трудно сказать, сколько это продолжалось по времени, потому что в таких случаях, как известно, время останавливается. Вот только чертенята исполняли свои обязанности не то, чтобы лениво, а как бы больше для проформы, не по велению сердца или что там у них вместо него.

Но все рано или поздно, заканчивается. Закончилась и беготня по мужику с причинением тому легких телесных повреждений. Чертенок, который залез мужику в ухо, вылез из другого уха, и время возобновило свой извечный ход.

– Нет ребята, бесполезно. – сказал бригадир и командир когда все уселись на подоконнике. – Клиент неправильный, надо начальству докладывать, пусть сами разбираются.

* * *

Вызов или призыв о помощи, неважно, был услышан. Послышалось щелканье замка, чуть скрипнула, а затем хлопнула дверь и через пару секунд в комнату вошел мужчина, только не такой, как на диване, не «самый обыкновенный».

– Что тут у вас? – спросил он.

– Старший! – принялся то ли докладывать, то ли оправдываться самоназначенный бригадир и командир. – Мы сделали все что смогли. Он какой-то неправильный! Мы ему пиво из крана пустили, нефильтованное, а он им мясо промыл.

– Какое мясо? – переспросил Старший.

– Которое потом пожарил и слопал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.